

В «Берлинском архиве современного вкуса», а именно в мартовском выпуске этого года, помещена статья о прозе и о красноречии немцев, которую издатели, по собственному их признанию, включили в журнал не без некоторых колебаний. Мы, со своей стороны, не осуждаем их за то, что они поместили это незрелое произведение: ибо, если архив должен сохранять свидетельства о характере эпохи, то это обязывает его увековечивать и характерные ее недостатки. Правда, тот решительный тон и манера поведения, с помощью которых иные всерьез думают придать себе вид всеобъемлющего гения в кругу наших критиков, отнюдь не новы. Замечается даже возврат отдельных лиц к более грубым временам, и от этого не нам их удерживать. Так пусть же «Оры», даже если то, что мы здесь хотим сказать, было уже неоднократно и, быть может, лучше сказано, сохранят, по крайней мере, свидетельство о том, что наряду с несправедливыми и преувеличенными требованиями к нашим писателям встречаются и справедливые, благожелательные оценки этих мужей, столь мало вознаграждаемых сравнительно с их трудами.

Автор сетует на недостаток у немцев в хороших классических произведениях в прозе и тут же высоко заносит ногу, чтобы одним исполинским шагом перешагнуть через дюжину лучших наших писателей. Не называя их даже по имени, он их умеренно хвалит и тут же строжайшим образом порицает, давая им такую характеристику, что только с великим трудом удастся угадывать, кого он имеет в виду в своих карикатурах.

Мы убеждены, что ни один немецкий писатель сам не считает себя классическим и что требования каждого из них к самому себе более строги, чем запутанные претензии Ферсита, восстающего против почтенного общества, которое вовсе не требует, чтобы безусловно восхищались его трудами, но может ожидать, чтобы их ценили по достоинствам.

Мы далеки от того, чтобы комментировать плохо продуманный и плохо написанный текст, который мы видим перед собою. Не без досады пробегут наши читатели эти страницы, оценив и наказав это литературное санюлотство, эти невежественные притязания на то, чтобы не только протиснуться в круг достойнейших, но и заступить их место. Я хочу противопоставить этой грубой навязчивости лишь немного.

Тот, кто считает своим неперемным долгом соединять определенные понятия со словами, которые он употребляет в разговоре или письме, будет чрезвычайно редко пользоваться выражениями: классический автор, классическое произведение. Когда и где создается классический национальный автор? Тогда, когда он застаёт в истории своего народа великие события и их последствия в счастливом и значительном единстве; когда в образе мыслей своих соотечественников он не видит недостатка в величии, равно как в их чувствах недостатка в глубине, а в их поступках — в силе воли и последовательности; когда сам он, проникнутый национальным духом, обладает, благодаря врожденному гению, способностью сочувствовать прошедшему и настоящему; когда он застаёт свой народ на высоком уровне культуры и его собственное произведение ему дается легко; когда он имеет перед собой много собранного материала, совершенных и несовершенных попыток своих предшественников, и когда внешние и внутренние обстоятельства сочетаются так, что ему не приходится дорого платить за свое учение, и уже в лучшие годы своей жизни он может обозреть и построить большое произведение, подчинить его единому замыслу.

Если сравнить эти условия, при наличии которых только и может сложиться классический писатель, особенно прозаик, с теми обстоятельствами, при которых работали лучшие немецкие писатели нашего века, то всякий, кто видит ясно и мыслит справедливо, будет лишь с благоговением изумляться тому, что им все же удалось сделать, а о том, что им не удалось, будет только благопристойно сожалеть.

Значительное произведение, как и значительная речь, — лишь результат житейских обстоятельств; писатель точно так же, как и человек действия, не создает тех условий, среди которых он родился и в которых протекает его деятельность. Каждый, даже величайший гений, в некоторых своих произведениях терпит ущерб от своего века и, напротив, при известных обстоятельствах от него выигрывает. Превосходного национального писателя можно ожидать только от стоящей на определенном уровне нации.

Но и немецкой нации не должно быть поставлено в упрек, что географическое положение держит ее в узких рамках, в то время как политический строй раздробляет ее. Не будем призывать тех переворотов, которые дали бы созреть классическому произведению в Германии.

Самое несправедливое порицание, таким образом, то, которое пренебрегает должной точкой зрения. Надо взглянуть на наше положение, каким оно было и осталось; надо принять во внимание индивидуальные условия, в которых развивались немецкие писатели; тогда будет легко найти и точку зрения, в которой нуждаешься при их оценке. Нигде в Германии не существует такой школы жизненного воспитания, где писатели могли бы встречаться и развиваться в едином направлении, в едином духе, каждый в своей области. Родившиеся в разных местах, по-разному воспитанные, по большей части предоставленные лишь самим себе и влиянию совершенно различных условий; увлекаемые пристрастием к тому или иному образцу отечественной или иностранной литературы; принужденные делать веяние опыты и плохонькие работы, для того, чтобы без руководства испытать свои силы, лишь постепенно, путем размышления убеждающиеся в том, что надо делать, чтобы позднее узнать на опыте, что делать возможно; вновь и вновь сбиваемые с толку широкой публикой, лишенной всякого вкуса, способной поглощать с одинаковым удовольствием плохое вслед за хорошим; потом, вновь ободренные знакомством с просвещенным, но рассеянным по всем концам великой страны обществом, находящие поддержку у работающих и стремящихся к единой цели соотечественников, — такой дорогой подходит немецкий писатель к порогу зрелого возраста. А здесь новые заботы о пропитании и о семье заставляют вспомнить о внешнем мире. Часто с печальнейшим чувством должен немецкий писатель себе добывать необходимые средства к существованию работами, которые он и сам не уважает, чтобы такой ценой купить себе право создавать то, чему он единственно хотел бы отдавать свой просвещенный ум. Кто из немецких, наиболее уважаемых писателей не узнает себя в этом портрете и кто не признается со скромной печалью, как часто он вздыхал о возможности подчинить особенности своего дарования общей национальной культуре, которой он, к несчастью, не мог обнаружить в окружающем. Ибо воспитание высших классов на образцах иностранной литературы и чужих нравах хотя и принесло нам много пользы, но все же надолго помешало немцу развиваться в качестве немца.

Взглянем теперь на работы немецких поэтов и прозаиков с известными именами! С какой старательностью, с каким благоговением шли они по путям своих просвещенных убеждений. Так, например, не будет преувеличенным, если мы станем утверждать, что путем сравнения отдельных изданий Виланда (человека, которым мы можем гордиться, несмотря на ворчание всевозможных Смельфонгов) дельный и прилежный литератор мог бы развить целое учение о вкусе. Для этой цели ему надо только подвергнуть разбору последовательные поправки, которые вносит в свои вещи этот неутомимо работающий над своим совершенствованием писатель. Каждый внимательный библиотекарь должен был бы позаботиться о составлении собрания его изданий, что пока еще возможно; и люди следующего века сумеют с благодарностью этим воспользоваться.

Быть может, мы решимся впоследствии предложить публике историю развития наших выдающихся писателей, насколько об этом можно судить по их произведениям. Если бы они захотели, — хотя мы, впрочем, нимало не претендуем на исповеди, — отметить по своему усмотрению моменты, особенно благоприятно содействовавшие их развитию и, напротив, особенно сильно ему воспрепятствовавшие, то польза, и без того ими принесенная, от этого бы только значительно возросла.

Ибо неудачные критики замечают меньше всего, что то счастье, которое теперь благоприятствует талантливым молодым людям и заключается в возможности раньше развиваться и скорее достигнуть чистого, соответствующего предмету стиля, стало мыслимым только благодаря их предшественникам, развивавшимся с такими неутомимыми усилиями, среди разнообразных препятствий и каждый на свой лад — в течение последней половины столетия. Таким образом возникла своего рода невидимая школа, и молодой человек, поступающий в нее теперь, сразу входит в круг, гораздо более обширный и более светлый, тогда как прежде писателю приходилось самому пробираться в него при сумрачном свете и лишь постепенно и как бы случайно участвовать в его расширении. Слишком поздно пришел этот полукритик, который хочет осветить нам путь своим фонариком; день наступил, и мы уже не закроем больше ставней.

Дурное настроение в хорошем обществе не принято показывать, а очень не в духе должен быть человек, отказывающий Германии в хороших писателях в такое время, когда почти каждый пишет хорошо. Не приходится долго искать, чтобы найти приятный роман, удачный рассказ, ясную статью о том или ином предмете. А наши критические журналы, газеты и компендиумы, как часто они дают доказательство общепринятого хорошего стиля. Знание предмета становится у немца все шире и шире, способность же выразить это знание все отчетливее. Достойная философия дает ему полную возможность, вопреки некоторым превратным мнениям, лучше распознать свои силы и тем облегчает их применение. Многочисленные удачные образцы стиля, а также работы и устремления столь многих предшественников дают возможность юноше выразить ясно и сообразно предмету то, что он воспринял от других и переработал в себе. Поэтому бодро настроенный и справедливо судящий немец, видя писателей своей нации стоящими на высокой ступени развития, охотно верит, что и публика не даст себя ввести в заблуждение дурно настроенному хулителю. Так пусть же будет он удален из общества, откуда должен исключаться всякий, разлагающие усилия которого могут внушать уныние действующим, делать творцов нерадивыми, а зрителей недоверчивыми и равнодушными!

Комментарии

Статья Гете — ответ на выступление посредственного писателя Даниэля Иениша (1762–1804), скрывшегося под псевдонимом, чтобы подвергнуть критике передовых писателей тогдашней Германии, которые стремились посредством литературы прививать народу высокие стремления. Иениш оказался не одинок. Тогда было много ничтожеств, писавших на потребу самым дурным вкусам. Гете вместе с Шиллером ожесточенно боролся против пошлости, посредственности, вульгарности в литературе. Он уподобляет своих литературных противников самым низким представителям толпы, которых именует санкюлотами. Во время французской революции санкюлоты поддерживали самые крайние меры против представителей старого режима; Гете имеет в виду, что не следует дозволять людям, лишенным культуры, расправляться с теми, кто эту культуру создает.

Ферсит. — См. коммент. к статье «Ко дню Шекспира».

Смельфонг — персонаж «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768), отличается тем, что всем недоволен и все критикует.

...историю развития наших выдающихся писателей... — Гете осуществил это намерение, написав очерк о Винкельмане, а также создав автобиографию («Поэзия и правда. Из моей жизни»; см. т. 3 наст. изд.), в которой подробно рассказал о своем духовном развитии в молодые годы.

Достойная философия. — Имеется в виду учение Иммануила Канта.

А. Аникст